

Некоторые истории из жизни псковских народных судов в первое советское десятилетие

Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. ознаменовался коренными преобразованиями во всех сферах общества. Одно из особенных положений в процессе становления советской власти занимало создание новой судебной системы. В истории судебных органов Псковской губернии 1918–1927 гг. случались ситуации, выходящие за рамки обыденности, требований и инструкций вышестоящих органов. Условия послереволюционной действительности значительно изменяли и условия работы народных судов, и подходы к кадровым вопросам, и отношение к профессиональным обязанностям судей со стороны власти.

Начало государственного строительства совпало в Пскове, как и в большинстве регионов России, с событиями Гражданской войны, показавших качественные недостатки личного состава. С 25 мая 1919 г. вследствие перемещения фронтов Гражданской войны на территорию Псковской губернии, советский административный центр ее оказался в г. Великие Луки.¹ Советским органам власти пришлось организовывать деятельность подведомственных учреждений при отсутствии стабильной связи с административными образованиями в уездах и волостях, невозможности контролировать действия своих сотрудников. Отдел юстиции губернского исполкома и Совет народных судей приступили к сворачиванию своей деятельности в г. Пскове только 24 мая 1919 г., за сутки до взятия города белыми. Им удалось эвакуироваться практически со всем архивом, финансовой отчетностью и даже канцелярскими принадлежностями. В Пскове осталась только мебель. Срочный характер эвакуации привёл к кадровым потерям: кто-то из сотрудников по неизвестным причинам до Великих Лук не добрался, некоторые отказались от

переезда по домашним обстоятельствам. Не обошлось и без финансовых потерь: секретарь Совета, воспользовавшись эвакуационной суматохой, сумел по подложным документам получить 6000 руб. и скрыться в неизвестном направлении.² А один из судей Порховского уезда бежал, захватив 147 руб., взысканных им в качестве судебных пошлин. Исчезла и приходно-расходная документация участка. Впрочем, беглец оставил в помещении суда нерешённые дела — 145 уголовных и 88 гражданских.³

Значительное влияние на деятельность народных судов Псковской губернии оказывал недостаток квалифицированных работников, с чем столкнулись большевики в процессе создания нового государственного аппарата. В связи с отсутствием на местах в должном количестве соратников или сочувствующих с необходимым уровнем образования, большевики были вынуждены набирать на ответственные должности лиц, не соответствующих по своему профессиональному уровню предъявляемым судебной системой требованиям. Основанием для утверждения в должности народного судьи являлся зачастую не уровень образования, а классовое происхождение, недостающий опыт предполагалось приобрести в ходе практической деятельности.

Основное требование к будущим претендентам на судейские должности звучало следующим образом: «иметь понятие и разбираться в партиях, союзах». Пожелание о наличии «практической подготовки» не представляется выполнимым в полной мере в связи с низким образовательным уровнем и граждан, и действующих служащих местных бюро юстиции.⁴ В 1918 г. в народные суды поступали на работу лица, обладающие «опытом политической и советской работы», в то время как наличие в анкете пометки «бывший нотариус» уменьшало возможность положительного решения вопроса о

Шагин Иван Анатольевич — ассистент кафедры русской истории ПсковГУ.

назначении. Определяющее значение имела формулировка в характеристике «лицо партийное». Получали отказ и лица, известные «своими недобросовестными действиями». Некоторыми гражданами предпринимались попытки пройти утверждение на должности судей, несмотря на провозглашаемую классовую политику. Уже на уровне уездных исполкомов отзывались кандидатуры бывших священнослужителей и помещиков, стремившихся попасть в органы государственной власти, возможно, без всяких корыстных мыслей, а вполне искренне, используя как аргумент наличие образования, в том числе и специального, в частности, бывшие полицейские.⁵ Однако доходило и до случаев достаточно нелепых и мало соответствующих общему настрою советского правительства, в том числе и содержанию Декрета об отделении церкви от государства. В 1918 г. Псковский губернский исполком разрешил привлечение Островским совдепом в качестве «сведущего лица» в бракоразводных процессах местного священника с формулировкой: «Признать законной возможность примирения церкви и государства». А в 1921 г. уже Порховское бюро юстиции «согласия не изъявило» на приём в канцелярию 7-го судебного участка бывшего священника, «с начала революции совмещающего службу с работой в местных учреждениях».⁶

А в Торопце в суде работал гражданин, осуждённый «в царское время за присвоение денежных сумм». По ходатайству уездного бюро юстиции в связи с тем, что «его прошлое, создавшееся под влиянием пережитого царского гнёта, в данное время совершенно аннулировано добропорядочной жизнью и действительным сочувствием существующему пролетарскому строю жизни» и «в высшей степени добросовестным отношением к службе», он не был уволен.⁷ В том же 1920 г. в Порхове был отстранён председатель уездного бюро юстиции, который использовал служебное положение «для достижения личных интересов».⁸ Великолукское бюро юстиции в июне 1921 г. разбирало дело народного судьи, который при рассмотрении дел получал показания обвиняемых под предлогом «замолвить перед кем нужно словечко», назначить мягкий приговор. За допущенную

дискредитацию своими действиями народного суда ему было назначено наказание в виде одного года лишения свободы. Наказание он отбыл неполностью, выйдя на свободу досрочно. Великолукское бюро юстиции в связи с недостатком квалифицированных кадров выразило готовность принять его на работу в качестве народного судьи вновь. В Островском уезде за пьянство и дискредитацию советского суда был арестован личный состав 5-го судебного участка, включающий народного судью, работников канцелярии и народных заседателей. Причём Островским бюро юстиции судья участка, И. В. Герасимов, характеризовался исключительно положительно как «энергичный, в высшей степени дельный работник, сумевший в самое короткое время водворить надлежащий порядок».⁹

Претендовали на работу в суде люди с различным образованием. В Великолукском уезде, например, обратился в бюро юстиции «актёр русской драмы», в качестве единственного образования назвавший, тем не менее, только военное — Николаевское кавалерийское училище. Однако военная карьера его, видимо, не удалась, т. к. прослужив всего 5 лет, он устроился на службу земским чиновником. В Первую мировую войну гражданин дослужился до должности командира батальона, после революции служил секретарём 10-го судебного района Великолукского уезда. Ему было отказано в замещении вакансии судьи, возможно, из-за неясности обретения специальности «актёр русской драмы»: в достаточно подробной анкете получение актёрского образования нигде не обозначено.¹⁰

26 апреля 1922 г. в Опочке сформировали комиссию по чистке личного состава народных судей, которая начала работу с проверки собственных работников. На первом же заседании было принято решение об увольнении заведующего местным бюро юстиции И. В. Архипова с формулировкой: «Недостаточно подготовлен технически, хотя, безусловно, честный». Двух народных судей сместили «как ведущих нетрезвый образ жизни». Также выявили бывших членов партии эсеров и земского начальника, одного «антисоветского элемента».¹¹ А губернская контрольная комиссия выявила неблагонадёжного работника даже в руководящем соста-

ве губернского Совета народных судей. Его председатель, Г. А. Годунов, был исключён из партии за заключение церковного брака.¹²

Материалы губернской контрольной комиссии позволяют сделать вывод, что масштабная проверка личного состава народных судов была основана на данных, полученных в ходе сплошной проверки в течение 1921 г. членов ведомственных ячеек РКП(б). В частности, только в партийной организации губернского отдела юстиции из партии было исключено 6 человек с формулировками «за равнодушное отношение к партийным обязанностям», «как неспособных членов РКП(б)», «как примазывавшегося». Выявили также коммуниста — «бывшего полицейского надзирателя».¹³ В Новоржеве политическое бюро заявило, что местные суды «являются органами, спекулирующими преступностью». Были выявлены многочисленные факты использования служебного положения в личных целях со стороны судей 1, 2, 3, 6 и 7-го участков И. А. Кириллова, В. Я. Михайлова, И. О. Осипова, А. Т. Душелихинского, А. А. Матвеева. Выяснилось, что эти народные судьи «являлись часто» на работу и общественные места в нетрезвом виде, «имеют широкое дружественное знакомство с кулацкими преступными элементами и самогонщиками», «слабы к подсудимым, а некоторые судят крепко, но по выбору».¹⁴ Президиум губернской контрольной комиссии вынес представление о необходимости укрепления кадров народных судей «честными и стойкими коммунистами, которые могли бы повести за собой всю беспартийную массу и воодушевить её личным примером».¹⁵

В течение 1923 г. от губернских партийных органов поступали требования о пересмотре личного состава практически всех 52 судебных участков.¹⁶ В ходе ревизий участков народных судов в течение 1923 г. в Велижском, Псковском, Новоржевском уездах было обнаружено большое количество нарушений финансовой отчётности. В Островском уезде, в 1, 2, 3, 4, 5, 7-й судебных камерах выявились в ходе проверки: «недостача некоторых дел», «беспорядок в архиве», «незнание судьями действующих законов». Комплексной ревизией судов Псковского уезда кроме «пропажи дел», наличия незарегистрирован-

ных дел, было отмечено отсутствие в камерах вещественных доказательств: от 400000 до 3850000 руб. в денежных знаках 1921 г., огнестрельного оружия (револьверов «Наган» и пистолетов «Браунинг»), алкоголя (в 3-м участке — «треть бутылки спирта, разведённого лимонадом»). Губернским судом судебные работники были оповещены о строгой ответственности в случае пропажи дел и вещественных доказательств».¹⁷ Подобные неприятности преследовали народные суды губернии и в течение последующих лет, главным образом из-за их загруженности делами, связанными с незаконным производством самогона. В судах скапливалось большое количество самогона и предметов соответствующего технического оборудования. В 1925 г. в связи с тем, что в народных судах по решённым делам «накапливалось много самогонной жидкости», от губернского исполкома поступило распоряжение «уничтожать, если состав жидкости и её свойства не вызывают вопросов»,¹⁸ избавляя судей от дополнительной материальной ответственности.

В Порховском уезде народного судью отозвали «в связи с тем, что на его участке развивается выгонка самогонки благодаря бездействию, а может быть и при его содействии». Решение было принято на партийном уровне — местным комитетом РКП(б), исполком его лишь поддержал, согласившись что судья допустил «выгонку в широких размерах самогонки». Проверка, проведённая совместно губернскими отделом юстиции и Советом народных судей, выявила следующие факты: на участке было разобрано всего два «самогонных» дела (в конце 1919 г. и в начале 1920 г.), приговоры вынесены обвинительные и возражений проверяющих не вызвали. Более того, обнаружено два распоряжения судьи в адрес начальника милиции и одно порховского уголовного розыска о принятии соответствующих мер, датированные 20 сентября, 20 и 24 декабря 1920 г. соответственно. Характеризовался судья положительно, поэтому «за недостаточностью конкретного материала, характеризующего деятельность», отзыв губернским исполкомом был отклонён.¹⁹

На основании материалов проверок личного состава народных судов было выяв-

лено, что чётко определённые характеристики и критерии оценки личности и профессиональной пригодности судей отсутствовали. Чем конкретно в представлении контролирующих организаций Псковской губернии выражаются категории стойкости и ответственности можно определить на основании характеристик, выдаваемых на народных судей в ходе заседания комиссий по пересмотру личного состава. На основе одного протокола заседания комиссии в Псковском уезде определяется следующий перечень положительных черт достойного работника советской юстиции: правильное применение классового подхода в судопроизводстве; следование принципам революционной законности; «быстрая ликвидация залежей дел»; присутствие административных способностей — «умение руководить делом»; наличие «достаточной теоретической подготовки»; стаж работы в должности; навык «приговора писать умело»; инициативность; авторитет у местного населения; умение разбираться в «судейских делах».²⁰

Интересные сведения выявлены о повседневной жизни народных судей. Так, в Опочечком районе был отстранён один из судей, проживавший «в 1,5 версты от камеры суда (судебного участка — *Авт.*)», который активно занимался крестьянским трудом, «хлебопашеством», из-за чего на работе появлялся лишь в дни разбора дел. Граждане, обращавшиеся в суд, были вынуждены «искать судью в поле». Должность секретаря при судебном участке занимал шурин судьи, также появлявшийся на рабочем месте лишь в случае крайней необходимости. Постоянно был на работе только «неответственный корреспондент» (канцелярская должность — *Авт.*).²¹

Сталкивались судьи и с явлением, обычным в годы Гражданской войны и в начале 1920-х гг., но весьма необычным для органов правосудия, всегда загруженных работой. Неоднократные протесты вызывали случаи привлечения работников судов на различные мероприятия, не имеющие отношения к их профессиональной деятельности. Например, в результате проведённой мобилизации сотрудников уездных учреждений на продовольственный фронт в 1920 г. в ряде судеб-

ных районов не было ни одного заседания суда в течение нескольких месяцев. Исполкомы вопрос об освобождении от мобилизации рассматривали персонально, но, как правило, выносили отрицательные решения. В частности, Псковский уездный исполком отказался вернуть из продовольственного комитета работниц канцелярии 2-го судебного района. Это значительно осложняло работу народного судьи, вынужденного исполнять не только свои непосредственные обязанности, но и заниматься технической работой.²² В Новоржевском уезде народного судью местному бюро юстиции удалось освободить в связи с тем, что его отсутствие «действительно затормозит» судопроизводство.²³ В связи с началом в 1921 г. новой экономической политики, вызвавшей рост в судах количества гражданских дел, Великолукское уездное бюро юстиции с настоятельной просьбой обратилось в исполком об освобождении народного судьи одного из городских участков от совмещаемой им должности руководителя продовольственного комитета. Там же, в Великих Луках, народный судья по распоряжению исполкома был вынужден в рабочее время принимать участие в открытии кирпичного завода. Поступали сообщения, что некоторые народные судьи «выходят из рамок своей деятельности и работают как представители рабоче-крестьянских инспекций».²⁴ Мобилизациям подвергались даже члены губернского Совета народных судей.²⁵ Имели место случаи, когда судья в результате ряда перемещений утрачивал профессиональные навыки, и даже забывал, где его основное место работы.²⁶ Руководство отдела юстиции потребовало в таких условиях от губернского исполкома «вообще освободить работников судов от принудительных мобилизаций».²⁷ Одновременно в адрес уездных исполкомов поступали совместные телеграммы от руководства губернского исполкома, отдела юстиции и заинтересованных ведомств (например, от председателя губернской топливной тройки) с требованием организовать выездные сессии народных судов по разбору дел об уклонении от мобилизационных мероприятий. Председателем сессии предлагалось назначать «надёжного судью». В качестве возможного наказания для трудо-

вых дезертиров рекомендовались принудительные работы.²⁸

Процесс становления любого государства, возникающего на революционных осколках, всегда приобретает характер нелинейный, никогда не происходит по готовым шаблонам. Многообразие жизненных ситуаций позволяет рассматривать историю советского суда в условиях действительности, в которой наряду с безусловно честными,

безупречными в классовом отношении работниками, встречались исключения, чрезвычайные мобилизационные мероприятия большевиков создавали определенную напряженность, вырывали работников судов из профессиональной среды. Все это создает общую атмосферу эпохи, выраженную в поступках людей, избирательных и порой неподобающих действиях власти.

Примечания

- ¹ Очерки истории Псковской организации КПСС. Л., 1971. С. 122–133.
- ² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 340. Лл. 149, 149 об., 150.
- ³ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 232. Л. 136 об.
- ⁴ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 1. Л. 120; Д. 4. Л. 153; Д. 14. Л. 35.
- ⁵ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 14. Л. 31; Д. 93. Л. 203; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 519. Л. 23; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 176. Л. 2.
- ⁶ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 376, 377 об.; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 31. Лл. 172 об., 173.
- ⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 514. Л. 84.
- ⁸ ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 175. Л. 247; Д. 259. Лл. 74, 92; Д. 342. Л. 253.
- ⁹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 197 об., 219, 220, 221, 260.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 9. Лл. 115, 124.
- ¹¹ ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 220. Л. 22.
- ¹² ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 176. Лл. 51, 53.
- ¹³ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 48; Д. 42. Лл. 40, 41, 42, 44, 68, 69, 70; Д. 50. Лл. 1–22.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.
- ¹⁵ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 40.
- ¹⁶ ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 249.
- ¹⁷ Отчёт за 1923–1924 хозяйственный год XIV Губернскому съезду Советов. Псков, 1925. С. 205; ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 3. Лл. 17–149; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1311. Лл. 3, 4, 14, 14 об., 22.
- ¹⁸ ГАПО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 13. Лл. 20, 37.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 515. Л. 3; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 415. Л. 3.
- ²⁰ ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 192. Лл. 285, 285 об.
- ²¹ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 8. Лл. 15, 20.
- ²² ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 107, 116, 117.
- ²³ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 140. Лл. 61, 192.
- ²⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 447. Л. 64 об.; Д. 783. Л. 51.
- ²⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 786. Л. 73.
- ²⁶ ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 98. Л. 208 об.
- ²⁷ ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 10. Лл. 114, 115
- ²⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 777. Л. 631; Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 578. Л. 4 об.